

WARHAMMER
40,000

EDITED BY MARC GASCOIGNE & CHRISTIAN DUNN

BRINGERS OF DEATH

STORMING TALES FROM THE DARK MILLENNIUM
INCLUDING BRAND NEW FICTION FROM SANDY MITCHELL & CS GOTO

RED REWARD

Mitchel Scanlon

Bringers of Death

КРАСНАЯ НАГРАДА

Митчел Сканлон

Рассказ из сборника Bringers of Death

ТРУН нашли случайно. Похороненное в
мерзлой грязи тело было обнаружено гвүтя
гвардейцами, спешившими починить
обрушившуюся стену траншеи в перерыве
между

атаками орков. Но человека, чьи останки
лежали у их ног, восстановить было
невозможно, лишь перезахоронить в той
части города, где шло меньше боев, с
помятым

солдатским жетоном на могиле с именем
убитого.

- Это Ракаль, сержант, - сказал рядовой Давир, стоя над трупом, наполовину погруженным в грязь на дне траншеи. -- По крайней мере, судя по жетону. Сейчас бы его

и родная мать не узнала.

Даже с бруствера траншеи высоко над ним, сержант Челкар вигел, о чем говорил Давир.

От лица Ракаля остались лишь огни воспоминания, оно превратилось в страшное

расплющенное месиво, на котором отпечатался бороздчатый след того, что убило его.

- Это, не иначе, орочий танк, - предположил огромного роста гвардеец, стоявший рядом с

Давиром. -- Эта их боевая фура. Гляньте, вигдите отпечаток гусеницы на его лице?

Точнее, на том, что осталось от лица. Должно быть, танк проехал над траншеей, когда

Ракаль прятался внизу. Потом траншея

обрушилась, и беднягу раздавило. Наверное,
он

вигел, как оно надвигается. Плохая
смерть.

- Плохая смерть, да ладно?! - сплюнул
Давир, его уродливое лицо исказилось
внезапным

гневом. -- А ты вигел здесь хорошую
смерть, Бүлавен? Бедняга... мы все тут
бедняги. И

как бы мы ни подыхали, с перерезанными
глотками, расколотыми черепами, или
раздавленными, как Ракаль, это не имеет
значения. Нам бюджет без разницы.

- Пфф. Ну, если ты так считаешь, почему
сам уже не застрелишься, дебилый ты
карлик? -- прорычал Бүлавен. -- Избавь себя
от страданий.

- Потому, мой жирный друг, что хорошо
известен тот факт, что
среднестатистический орк
не попадет даже в собственную задницу,
даже обеими руками и управляемой
ракетой. А

я, как ты столь любезно заметил, «дебильный карлик», представляю собой маленькую

цель. И этот карлик может уверенно надеяться, что переживет вас всех, вот что я вам

скажу. Особенно тебя, Бүлавен. Даже слепой паралитик едва ли промахнется в твой

обширный зад.

- Хватит, - сказал Челкар, негромко, но с достаточным нажимом, чтобы до ругавшихся

солдат дошло. -- Мне нужна команда из четырех человек, чтобы перенести тело и похоронить его у старого завода. Давир, Бүлавен, вы только что вызвались

добровольцами. Еще двоих выберете сами. И прежде чем я услышу, как кто-то жалуетсся,

что земля слишком твердая, я хочу, чтобы вы кое-что вспомнили: Ракаль был однит из

нас.

Без дальнейших слов еще двое гвардейцев
спрыгнули в траншею, присоединившись к
уже стоявшим там. Проявляя уважение к
погибшему, насколько было возможно в
таких

условиях, все четверо начали осторожно
извлекать останки Ракаля из мерзлой
грязи.

Часто лопата натывалась на особенно
плотно спрессованный ком земли, и удар
сотрясал черенок и руки копающего. Тогда
у солдата могло вырваться приглушенное
ругательство, но по большей части они
работали в молчании. Четыре человека
помнили

о своем долге перед погибшим товарищем
и законе всех защитников этого
израненного

города: Мы хороним своих убитых.

Челкар уже отвернулся, чтобы
проследить за ремонтом другой части
траншеи, которую

обороняла рота. Последняя атака была
особенно жестокой. Погибли двенадцать

человек

-- считая Ракаля, уже тринадцать. И, по неумолимой логике этого теста, Челкар ожидал,

что следующая атака будет еще более яростной. Таков был порядок вещей здесь. В

Брушереке можно было не сомневаться в одном: каждый следующий день будет хуже, чем предыдущий.

Глядя усталыми глазами на знакомую до отвращения местность, Челкар на секунду задумался. Перед ним простиралась ничейная земля: огромное серое поле замерзшей

грязи, усыпанное курганатами развалин и обгоревшими корпусами побитых орочных машин. Позади него был сам Брушерек -- бесконечный и, казалось, безжизненный город

разрушенных и выгоревших зданий. «Город-призрак», подумал Челкар, «И все мы -- призраки в нем».

- Сержант?

Повернувшись, Челкар увидел капрала Гришену, спешившего к нему из блиндажа, где

находился пункт связи. За ним следовали четыре незнакомых гвардейца в черных шинелях, похожие на стервятников. Челкару не нужно было видеть их эмблемы, со

скрещенными мечами и четками на воротниках, чтобы понять, кто они были:

Кессрианская Гвардия. Или чтобы знать, что их появление здесь могло означать только

неприятности.

- В чем дело, Гришен?

Явно находясь в замешательстве, будто не находя слов, Гришен ответил не сразу.

Кессрианцы стояли за ним, выстроившись, как на смотре, свои хеллганы, снятые с

предохранителей, они держали у пояса. Хотя Челкара было нелегко испугать, но он не

мог избавиться от чувства тревоги, видя

четыре ствола, направленные на него.

- Мы получили сообщение от командования сектора, сержант, - сказал Гришен, явно

нервничая. -- Точнее, два сообщения. Первое -- из штаба главнокомандующего, мысль дня, предназначенная поднять боевой дух солдат. Сообщение гласит: «Лучше умереть за

Императора, чем жить для себя».

- Не сомневаюсь, это очень подбодрит солдат, - сказал Челкар, изо всех сил пытаясь не

позволить сарказму прозвучать в голосе. -- Второе сообщение?

- Второе сообщение от комиссара Валка из штаба сектора, - ответил Гришен, опустив

глаза, словно внезапно обнаружил что-то интересное в грязи. -- В нем приказывается обезоружить вас и поместить под арест по обвинению в ереси и измене. Эти солдаты

направлены сюда, чтобы доставить вас в

читаёшь сектора для вопроса. Ц, сержант... У
них

приказ стрелять на поражение, если вы
попытаетесь оказать сопротивление.

Да. Хеллганы действительно были
направлены на него.

...

ЗДЕСЬ, на усыпанных развалинами улицах
позади линии фронта, среди разрушенных
многоэтажных домов, в которых когда-то
жили рабочие, населявшие город, Челкар,
но

крайней мере, смог заметить хоть какие-то
признаки жизни. Впрочем «жизнь» —
слишком

сильное слово для этого. Это было всего
лишь движение: усталые гвардейцы,
собравшиеся вокруг жаровен, чтобы
согреться, ополченцы из вспомогательных
частей,

подавленно тащившие боеприпасы, даже
одичавший ребенок, охотившийся на крыс.
Но

это все не более чем последние конвульсии

огромного утирающего тела. Если бы все
мужчины, женщины и дети, еще
остававшиеся в живых в Брушероке,
собрались на

центральной площади, никто не смог бы
пошибиться, приняв это за что-то иное,
нежели

собрание мертвецов. Загробные тени с
грязными лицами, упорно отказывавшиеся
принять реальность.

Они были призраками, все эти люди.
Призраки, у которых еще был пульс,
которые еще

были способны любить и стесаться -- даже
рожать детей -- но все равно призраки. У
они, и

их город, доживали последние дни и были
еще живы лишь по некоему капризу судьбы.

Однажды начнется большая атака, и
Брушерок падет. Тогда, по воле орков или
своих же

командиров, все эти люди присоединятся
к тем, кого смерть успела забрать раньше.

Впрочем. Челкар был вынужден признать,

что даже у этих призраков, возможно, было

одно преимущество перед ним. По крайней мере, они могли дожить до завтра.

Его конвоиры не стали надевать оковы на его ноги. Это уже что-то. Но Челкар понимал,

что не стоит считать это особым основанием для надежды. Это был вопрос практической

— ил предстоял долгий путь к штабу сектора. И если конвоиры не хотят нести его, лучше

не сковывать ему ноги.

К рукам, однако, это не относилось. Здесь кессрианцы следовали уставам

неукоснительно. Челкару еще не давалось ходить по этим усыпанным обломками

улицам с руками в наручниках за спиной.

По пути у него уже произошло несколько болезненных столкновений с тем, что пропагандисты называли «святой землей

Брушурока». Достаточно, чтобы понять,

что мерзлая земля при столкновении с
человеческим лицом отнюдь не менее
тверда, чем под саперной лопатой. Но вкус
крови

на губах и болезненное ощущение того,
что он, кажется, сломал нос, были еще не
самым

худшим из всего этого.

Челкар чувствовал себя голым. Он был
гвардейцем семнадцать лет и последние
десять

лет провел в осаде в этом проклятом
городе, сражаясь с орками. Достаточно
долго,

чтобы знать, что нет легче способа
погибнуть, чем оказаться в зоне военных
действий без

оружия. Твое оружие -- твоя жизнь; если
ты потерял одно, то вскоре потеряешь и
другое.

Это был урок, от которого зависела жизнь
-- и смерть -- гвардейца. Урок, который
Челкар

усвоил еще сопливым новобранцем в

первый день службы, получив пинок по заднице от

сержанта-инструктора, чтобы лучше запомнил. Этот пинок, возможно, с тех пор спас его

жизнь сотни раз. Все эти семнадцать лет, когда он ел, спал, мылся, даже ходил в туалет, его дробовик, хеллпистолет и нож всегда были при нем. Теперь, лишившись их, Челкар

ощущал себя инвалидом, испытывая мучительное чувство незавершенности, словно

фантомный зуд.

- Встать, проклятье! -- рявкнул один из кесарианцев, болезненно дергая Челкара за руки

после очередного падения. -- И в следующий раз аккуратнее шевели ногами, - добавил

он, явно убежденный, что постоянные падения арестанта являются плохим скрытым актом

неповиновения.

За исключением этого, да еще иногда

тычков стволот в спину, конвоиры не были
расположены к беседе. Из своего прошлого
опыта общения с кессрианцами, Челкар
знал,

что это скорее благословение, чем
проклятье. Они были угрюмыми
фанатиками,

трачными даже по стандартам
Брушера, где жить вообще значило
жить во траке

отчаяния. Некоторые люди не
выдерживали и кончали с жизнью, засунув
ствол лазгана в

рот. Другие искали утешения в
иллюзорных надеждах, трачном юморе или
просто

упрямом нежелании утирать. Но не
кессрианцы. Они свято верили в Умперское
Крего и

жили с чопорным самодовольством людей,
убежденных, что надо лишь в точности

исполнять приказы, и после смерти они
непрерывно воссядут рядом с Умператором
в

раю.

Хотя, возможно, в их подчеркнутой набожности была некая тугрость.

Кессрианцы

считались самыми благонадежными солдатами в Брушереке и были откомандированы в

распоряжение комиссаров, тогда как «менее благонадежные» солдаты, вроде Челкара и

его товарищей, постоянно находились на фронте, испытывая на себе всю тяжесть боев.

И все же молчаливость кессрианцев явно была благословением. Челкар вытерпел бы, если бы они потащили его на виселицу, но не видел никакой причины, почему он должен

выслушивать перед этим их ханжеские пошлости.

- Держись ближе, - приказал кессрианец. - Если побежишь, будешь стрелять.

На секунду Челкар подумал, зачем утверждать столь очевидное. Потом,

даже со

слопанным носом, он почувствовал
зловоние горелого мяса орков, и понял, что
недалеко

костры для сжигания орочьих трупов. Они
зашли за угол, направляясь к невысокому
холму, вершина которого была окутана
легким дымом. Не нужно было видеть сквозь
дым,

чтобы знать, что они найдут на вершине.
Костры: громадные горящие курганы
мертвых

тел зеленокожих, свезенных сюда со всех
концов города. Сквозь дым Челкар видел

очертания примерно полудюжины таких
костров, в каждом горели сотни трупов
ксеносов,

или даже больше. И на каждый курган,
который он мог видеть, был еще десяток
скрытых

в дыму. Здесь, должно быть, горели тела
не менее чем десяти тысяч орков, но это
была

не более чем капля в океане. На каждого

мертвого орка здесь приходилась тысяча
живых

за линией фронта.

«Когда-то для меня это был запах
победы», подумал Челкар. «Теперь я не
испытываю

таких иллюзий».

Это была традиция, начавшаяся с первых
дней осады. Каждое утро гвардейцы с
глиннатыми баграми собирали трупы орков,
убитых в боях предыдущего дня,
втаскивали их

на холм, складывали в огромные курганы,
поливали протетием и поджигали.
Сначала это

делалось для предотвращения эпидемий.
Трупов было так много, что их просто
нельзя

было оставлять гнить на улицах. Потом
кто-то -- скорее всего, какой-нибудь
комиссар --

объявил, что сожжение трупов ксеносов
есть нечто большее, чем просто
гигиеническая

процедура. Брушерок был святой землей, сказал он, освященной кровью героев, которые

погибли, защищая ее. И похоронить в этой земле хотя бы одного ксеноса значит оскорбить их жертву. Только герои достойны быть похороненными в Брушероке; трупы

чужацкой трази должны сжигаться, чтобы не осквернять святую землю, и чтобы орки,

осаждавшие город, выгнаны были, поднимавшийся на ветру, и знали, что их ожидает.

Во всяком случае, так гласила догма. Челкар не мог не заметить, что сожжение трупов за

эти десять лет отнюдь не внушило оркам страха. Но была в этом и некая симметрия.

Брушерок когда-то был одним огромным очистительным заводом, где сырье с южных

нефтяных полей перерабатывалось в

топливо. Даже сейчас в городе хранились миллионы баррелей прометия в огромных подземных резервуарах. Вот зачем орки были

здесь: без топлива для их бронетехники, их наступление повсюду на планете остановилось. Им был нужен прометий. Ублагодаря идее некоего давно погибшего комиссара, каждый орк, убитый здесь, все-таки получал немного прометия.

Они были уже на вершине, воздух здесь был наполнен дымом и летающими хлопьями сажи. Со слезящимися глазами, едва сдерживая тошноту от зловония, Челкар бигел

силуэты, подобно призракам, двигавшиеся в дыму -- гвардейцы в противогазах тащили в

костры новые трупы орков. Жара здесь была удрушающая; Челкар вспомнил в своей шинели. Здесь, в самом жарком месте во всем Брушереке, город казался еще больше похожим на ад. Внезапно Челкар почувствовал, что сильная рука схватила

его за плечо,

словно его конвоиры боялись упустить его. Но они ошибались, думая, что он может убежать. Куда бы он делся? Здесь, между Брушироком и орками, бежать было некуда.

Что бы ни случилось, Челкару придется довериться имперскому правосудию.

...

ОН БЫЛ весь в синяках, и, казалось, каждая часть тела ныла от боли.

По прибытии в штаб сектора Челкара взяли под стражу два других гвардейца. Они сразу

же завели его в камеру, раздели догола и начали избивать кулаками и дубинками. Они

это называли «обработкой». В пах, в живот, в почки — особенно почки — они проделали

свою работу так хорошо, что Челкар не сомневался — боль будет мучить его еще не меньше недели. Если, конечно, его не казнят раньше.

Сейчас он лежал на каменном полу другой комнаты, ожидая, когда комиссар Валк обратит на него внимание. Очень худой, с тонкими губами и носом, комиссар сидел за

столом в другом конце комнаты, глядя на экран инфопланишета, который он держал длинными тонкими руками. Шли минуты, комиссар продолжал читать. Потом, не

поднимая взгляда от экрана, он заговорил голосом таким же тонким, как его губы, нос и руки:

- Подать арестованному стул.

Гвардейцы исполнили приказ, поставив стул на середину комнаты и вздернув Челкара на

него. Комиссар по-прежнему не взглянул в его сторону. Не отрывая глаз от инфопланишета, он откинулся на своем стуле и начал читать вслух:

- Юджин Челкар, сержант, 902-й полк Варганских Стрелков. Участвовал в

кампаниях на

Мурске, Бангар Майорис, в Отвоевании
Солнара, и, в данный момент -- в обороне
Брушурока. Награжден шесть раз, в том
числе Звездой Императора со «Скоплением
Галактик» за необычайную храбрость в
бою. Хотя ни разу не был осужден, шесть
раз

привлекался к дисциплинарным
разбирательствам по обвинениям от
неподчинения

приказу до невыполнения воинского
приветствия офицера. Ты удивительный
образец

противоречий, сержант. Хотел бы я
знать, кто же настоящий Юджин Челкар:
герой или

случьян?

После этого Валк наконец посмотрел на
него. Но Челкар продолжал молчать.
Время для

выражения любви и верности Императору
придет позже. А сейчас лучше держать
язык за

зубати, пока он не узнает суть
предъявленных ему обвинений.

Секунду комиссар смотрел на него
холодным пронзительным взглядом, едва
заметная

тень трачной улыбки мелькнула в уголках
его губ. Отвернувшись, Валк открыл
нижний

ящик стола. Оттуда он достал вокс-
рекордер. Поставив его на стол, комиссар
несколько

секунд возился с ним, проверив, что
катюшки с пленкой установлены и длинный
кабель от

вокс-передатчика подключен правильно.
Нажав кнопку, он включил устройство, и
снова

повернулся к Челкару.

- Сержант, я не вижу причин и далее
откладывать начало этого
разбирательства. Я хочу,

чтобы ты, в подробностях, и ничего не
упуская, рассказал все о деле с
лейтенантом

Лораннүсом...

...

ЧЕЛКАР спал крепким сном, без сновидений и кошмаров. Он спал, погрузившись в

благословенные моменты покоя. Вдруг он услышал в ухе настойчивый голос капрала Гришена, и понял, что его снү конец.

- Сержант! Сообщение из штаба командования сектора! Аүспекс засек объект, падающий

на землю в северо-западном квадранте неба. Десантный корабль, сэр!

Вздрогнув, Челкар проснулся в темноте блиндажа-казармы, голос Гришена настойчиво

звучал в наушнике. Челкар поднялся с койки, взял гробовик, шлем и шинель, и, торгая,

вышел из блиндажа в серую предрассветную тглю.

Хотя он еще не совсем проснулся, то, что пришлось делать потом, было настолько привычно, что стало второй натурой.

Пригнувшись, стараясь держаться по возможности

ближе к укрытиям, он зигзагами побежал по открытому пространству между блиндажом и

передовой траншеей. Спрыгнув в траншею, он нашел в ней Давира и Бүлавена.

- Я ничего не вижу, - сказал Бүлавен, щурясь в небо.

- Корабль слишком далеко, свинные твои мозги, - ответил Давир, усевшись на пустые

ящики из-под боеприпасов. -- И вообще, капрал сказал, что это в северо-западном квадранте; ты смотришь не в ту сторону.

Бүлавен проворчал какое-то неприятное замечание насчет рогословной Давира, но

Челкар не обращал на них внимания. Даже если бы ему вдруг захотелось послушать один из их бесконечных споров, сейчас было не время. Взволнованный голос Гришена по-прежнему звучал в наушнике.

- Это один из наших, сержант -- командование уверено в этом! Мы ждем

подтверждения

относительно его груза. По ауспексу его направление на сорок пять градусов, повторяю,

сорок пять градусов. Скоро вы его увидите.

Подняв полевой бинокль, Челкар взглядывался в зловещие небеса. И он увидел. Черная

точка в ореоле пламени. Да, это был посадочный модуль, он направлялся в их сторону.

- Может быть, это подкрепление, -- предположил Бүлавен, его обычно грохочущий голос

звучал сейчас благоговейным шепотом. --

Высадка из костоса, чтобы уничтожить орков и

снять осаду.

- На одном десантном корабле? -- оскалился Давир. -- Такой глупости я не ожидал даже от

тебя, Бүлавен. Скорее всего, какой-нибудь бюрократ решил послать сюда грузовой

модуль, чтобы показать, что о нас не

забыли. Несомненно, это что-нибудь
потрясающе

бесполезное: репелленты от насекомых
или канцелярские скрепки. Полнишь, как
нам

прислали целый грузовой модуль
презервативов? Я никак не мог понять, они
ожидали,

что мы будем использовать их как
аэростаты для наблюдения, или просто
думали, что

орки жутко боятся резины. Ну, что бы ни
было на борту этого модуля, я буду рад,
если эти

ублюдки хотя бы не посадят его нам на
головы.

Посадочный модуль приближался и был
виден уже невооруженным глазом. С
огненным

хвостом, полыхавшим позади, он был
похож на комету. Оглянувшись на сеть
траншей и

окопов вокруг, Челкар увидел десятки
шлемов в меховых чехлах, высунувшиеся из-

за

брустверов -- каждый солдат его роты
установился в небо, каждый выгел в этой
рукомоторной комете какое-то знамение,
доброе или дурное. Все, кроме Челкара. Он
давнo уже не верил в знамения.

- Ты просто злобный карлик, Давир, --
раздраженно прорычал Булавен. -- Тебе
обязательно надо лишить человека всякой
надежды?

- Я оказываю тебе услугу, Булавен, -- пожал
плечами Давир. -- Надежда -- [собака] с
кровавыми когтями. Но если тебе
непреренно надо на что-то надеяться,
надейся, что

зеленокожие никогда не изобретут ракету
с наведением по жироискателю. Потому
что

если они все-таки...

- Сержант! Мы получили подтверждение! --
закричал Гришен в наушнике, так

взволнованно, что конец его фразы
поглотил всплеск статических помех. --
Это

подкрепления! Командование говорит, что
в десантном корабле полно солдат!

- Поблагодари командование за хорошие
новости, Гришен, - сказал Челкар в
микрофон. --

Но посоветуй им, что, вероятно, стоит
направить больше людей на рытье могил.
Похоже,

он грохнется прямо посреди ничейной
земли.

Посадочный модуль приближался, и с
каждым метром рев становился все
громче. Он

был большим, таким огромным, что
Челкар уже мог разглядеть эмблему с
имперским

орлом на его борту. Орел, окутанный
пламенем, и вот-вот готовый упасть
прямо под

пушки орков.

- В укрытие! -- приказал Челкар.

Раздался оглушительный грохот и свист
воздуха, когда ударная волна прошла над
головой. Земля содрогнулась. Когда грохот

утихла, Челкар снова выглянул за
бруствер.

Он не увидел признаков потерь среди своих
людей. Посадочный модуль упал
достаточно

далеко, и лавина земли и камней,
поднятая его падением, не дошла до их
позиций.

Впереди Челкар видел полуразрушенный
посадочный модуль в свежем кратере, от
его

быстро остывающего корпуса поднимался
пар. На секунду воцарилась тишина,
казалось,

застыли и воздух, и земля под ногами.
Потом орки открыли огонь из всего, что у
них

было, и начался ад.

Пули, ракеты, снаряды -- даже иногда
энергетические лучи -- обрушились на
пространство

вокруг модуля, превращая землю в месиво.
Орки, как всегда, стреляли скверно, и пока
ни

разу не попали в цель. Но, учитывая плотность их огня, это было только вопросом времени.

- Сержант! - закричал Гришен сквозь треск потех. - На связи КН батареи. Разрешите

запросить подавление огневых средств противника?

- Отставить, Гришен. Они стреляют не лучше орков. Мы должны оставить хоть один шанс

этим беднягам в модуле. Оцени расстояние до середины ничейной земли и жди

дальнейших приказов.

На ничейной земле люки модуля открылись, извергнув толпу ошеломленных гвардейцев.

Похоже, они остались без командира и не ожидали оказаться посреди боя. Они

нерешительно столпились в тени модуля, безнадежно оглядываясь в поисках более подходящего укрытия. Хотя Челкар давно

уже гудал, что самые дикие нелепости
этого

города больше не могут его удивить, даже
он был изумлен видом формы этих солдат.

- Должно быть, скрепки и презервативы у
них закончились, - заметил Давир. -
Теперь они

посылают нам праздничных ягнят на
мясо.

Они были похожи на изрубленных
солдатишек. Несколько сотен гвардейцев,
обреченно

стоявших посреди ничейной земли, одетые
в чудовищно нелепую форму бирюзового
цвета, в изобилии украшенную золотым
шитьем и эполетами, на головах у них
были

высокие кивера с плюмажами. Изрубленные
солдатишки, оказавшиеся на лишенном

укрытий участке ничейной земли; посреди
выжженной пустоши, которая им, должно
быть,

казалась адом. Челкар все же надеялся,
что хотя бы бежать они успеют.

- По дальнотеру расстояние шестьсот метров, сержант. Жду ваших приказаний.

- Поддерживай связь с КН батарее, Гришен. По моей команде сообщишь ил расстояние и

запросишь огневую поддержку всеми средствами. Как понял?

- Шестьсот метров, огневая поддержка всеми средствами, по команде.

- Рота, по моей команде огонь на подавление по позициям орков. Огонь!

Из всех траншей и окопов солдаты открыли огонь из лазганов, гранатометов и

минометов. На таком расстоянии шансы во что-то попасть были весьма невелики, но

Челкар хотел лишь заставить орков невысовываться достаточно долго, чтобы бедолаги

из посаженного модуля успели добежать до илперских позиций. Единственной проблемой

было то, что эти изгрышечные солдатики

пока никто не бежали.

Снаряд с грохотом ударил в корпус модуля -- орки, наконец, пристрелялись. Двух гвардейцев убило осколками, остальные, увидев это, кажется, все-таки поняли, что надо

сделать. Они побежали к позициям людей, ноги несли их со скоростью, порожденной отчаянием, а вдогонку им летели пули и снаряды. Шестьсот метров -- и люди падали и

утирали десятками, сраженные пулями и осколками, или просто разорванные взрывами в

кровавые клочья. Четыреста метров -- и уже больше половины было убито.

-- Дайте дым! -- закричал Челкар в комм-линка. -- Дымовую завесу!

На ничейную землю обрушился шквал дымовых гранат и снарядов, и через несколько

секунд Челкар видел перед собой лишь белую стену дыма. Отчаянное решение, если

гвардейцы из подуля успеют добежать до дымовой завесы, возможно, они спасутся. Но тот же дым может послужить маскировкой для орков.

- Сержант, ауспекс засек движение на позициях орков. Они продвигаются на ничейную

землю! КН батареи на связи, сержант, разрешите мне...

- Тебе приказано ждать, Гришен. Жди.

Вот. Наконец. Он увидел силуэты людей, высканивающих из дымовой завесы. Пять.

Шесть. Восемь. Вероятно, не больше двух десятков человек, оставшихся от пары сотен,

спрыгивали в относительно безопасную траншею.

- Сержант! На ауспексе крупные силы орков двигаются к нашим позициям! Вы должны отдать приказ! Там тысячи их...

Челкар собирался отдать приказ, его губы уже начали двигаться, когда он увидел нечто,

заставившее его изумленно выругаться.

Сам, в дыму, он увидел силуэт последнего
оставшегося солдата. Он отстал от
своих, и, отвергнув возможность добраться
до

укрытия, повернулся и начал стрелять из
лазерного пистолета по приближавшейся
группе

орков, скрытых где-то там в дыму.
Глупец, несомненно, заслуживал ожидавшей
его

участи.

- Давай, Гришен! -- закричал Челкар,
выскочив из траншеи и бросившись вперед.
- Огонь

на целеуказание!

Полдюжины шагов, и вдалеке уже
послышался вой летящих снарядов. Еще
десяток, два

десятка шагов, вой становился все громче
и громче. Добежав до гвардейца, Челкар
схватил его за воротник, и для большей
убедительности отвесил пинок по заду.
Дотавив

шошеломленного солдата обратно до

бруствера, Челкар швырнул его в траншею,
и

прыгнул на него сверху, как раз в тот
момент, когда вой первых падающих
снарядов

перешел в пронзительный визг. Визг,
достигнув предельной громкости, внезапно
оборвался в какофонии взрывов, сотрясших
землю.

«Теперь», думал Челкар, вдавливая
гвардейца в дно траншеи, «если артогня
бюджет

достаточно для отражения атаки, ты ее
переживешь. И если так, я с удовольствием
пну этого кретина по заднице еще раз»

Обстрел продолжался несколько долгих
минут, снаряды рвались достаточно
близко,

чтобы комья мерзлой земли сыпались в
траншею. Целая вечность неровных ударов
сердца и бьющегося пульса. Потом,
внезапно, взрывы прекратились.

Через секунду Челкар был уже на ногах,
оглядывая ничейную землю в поисках орков.

Обстрел разорвал дымовую завесу, и он увидел, что обычно серый ландшафт окрашен

темной кровью и усыпан кусками зеленых тел. Приятное разнообразие. Ум повезло, огонь

артиллерии отразил атаку.

- Сержант, это капрал Гришен, - сказал Давир, удерживая толстыми пальцами наушник

комм-линка в ухе, и Челкар заметил, что свой наушник он потерял на ничейной земле. --

Наблюдатели докладывают, что уцелевшие орки вернулись на свои позиции. Еще мы

получили приказы из штаба сектора относительно новых солдат -- они включены в состав

нашей роты. И сержант? Гришен говорит, что согласно приказам из штаба, в их числе

должен быть наш новый ротный командир -- лейтенант Лораннус.

- Скажи Гришену спасибо за новости,
Давир, - ответил Челкар. - Но пусть он
сообщит

командованию, что наш новый ротный
командир, скорее всего, убит вместе с
большинством своих людей.

- Вовсе нет, сержант, - слышался новый
голос позади него. - Уверяю вас, ваш новый
ротный командир вполне жив.

Обернувшись, Челкар увидел, что
спасенный им гвардеец встал на ноги.
Теперь Челкар

разглядел золотую полосу на его
воротнике. Знаки различия лейтенанта.

Похоже, что еще раз пнуть его по заднице
не выйдет.

...

- ОДНА большая линия, сержант, - сказал
лейтенант, ткнув пальцем в карту перед
собой.

- Это лучший способ защищать нашу
позицию. Одна большая линия, и орки
будут

разбиваться о нее, как волны о скалу.

Прошло два дня, и Челкар с Гришенот и лейтенантом Лораннусом стояли в командирском блиндаже над картой позиций роты. За эти два дня грандиозные замыслы

Лораннуса заставили Челкара изменить свое мнение о нем. Новый лейтенант был не

просто глупцом, он был безумцем.

- Конечно, потребуются много работы, - продолжал Лораннус, - но недостатки нынешней

системы -- лабиринта траншей и окопов, в которых наши люди прячутся, словно крысы --

эти недостатки очевидны. Если мы намерены сломать решимость орков, нам нужно

продемонстрировать свою силу. Мы должны сосредоточить все наши силы в одной

большой траншее вдоль всей протяженности сектора, защищенной минными полями и

колючей проволокой.

Возможно, лейтенант был просто слабоумным. Это было единственное объяснение,

которое Челкар мог придумать. Этих двух дней, что Лораннус командовал ротой,

оказалось достаточно, чтобы изначальная неприязнь Челкара к нему переросла в

глубокую ненависть. Лораннус был упрямым и придирчивым начальником, сторонником

строгой дисциплины, но при этом Челкар был уверен, что лейтенант обточил бы свою

нарядную форму, только увидев орка. Ужаснее эта его проклятая форма. Несмотря на все

доводы, Лораннус упорно отказывался снять эту приманку для снайперов или хотя бы

надеть сверху шинель.

- Ну, сержант? Ваше мнение?

- Мы больше не используем мины, сэр. Это

только побуждает орков брать пленных и
гнать их на минные поля. Если у них нет
пленных, они используют для
разминирования

гретчинов. Так или иначе, минные поля
себя не оправдывают.

- Тогда будет использовать ямы-ловушки с
кольями. Это лишь детали. Тут важна
общая
идея.

- Да, сэр. С вашего разрешения, лейтенант,
сұтаю, капралу Гришену пора идти
проверить, не получили ли связисты новые
сообщения.

Лораннүс помолчал, внимательно
посмотрев на обветренное лицо Челкара.
Потом,

кивнув, он отпустил Гришену, подождет,
пока капрал отойдет подальше и сказал:

- Итак, сержант. Мы огни. Что вы хотели
сказать?

- Разрешите говорить начистоту, сэр? --
спросил Челкар.

Дождавшись кивка Лораннүса, он

продолжил, осторожно выбирая слова:

- Со всем уважением, сэр, не было бы
благоразумнее, если бы вы подождали и
привыкли

к условиям службы здесь, прежде чем
вносить столь масштабные изменения в
нашу

систему обороны?

- Я полагаю, что уже полностью привык к
условиям, как вы выразились, сержант, -
сказал

Лораннус, глядя Челкару прямо в глаза. -- У
считаю, что эти изменения должны быть

проведены без дальнейших
отлагательств. Я так понимаю, вы нашли
некие недостатки в

моем плане?

- Да, сэр. Наши траншеи и окопы
расположены так отнюдь не случайно, как
и во всех

прочих секторах обороны. Это сделано с
целью создать многочисленные сектора

обстрела, и расстреливать орков, прежде
чем они успеют подойти ближе. Кроме

того,

когда оборона опирается не на одну единственную позицию, при угрозе захвата траншеи

солдаты могут отступить из нее, не боясь, что рухнет вся линия обороны.

- Вы говорите о преднамеренной сдаче позиции противнику?

- Мы не сдаем и ничего, лейтенант. Мы оставляем траншею на время, достаточное для

того, чтобы солдаты из других траншей расстреляли орков. Потом мы снова занимаем ее.

- Не важно, как вы это называете, сержант, это отступление. А отступление пахнет трусостью.

- Можете называть это как угодно, лейтенант. Это Брушерок, и война здесь не похожа на

то, что описывали вам в школе.

- Я хорошо знаком с реалиями войны, сержант, - сказал Лоранс, покраснев и

сжав губы.

-- Моя родина обладает многовековыми военными традициями. И многие поколения моей

семьи отдавали своих сыновей на службу Императору.

- А лично вы имеете опыт боев с орками, сэр?

- Не вижу, как это относится к делу, -- произнес Лораннус. В его голосе появился опасный

оттенок, но вопрос был слишком важным для Челкара, чтобы уступить.

- Вы говорили о «демонстрации силы» и о том, чтобы «слопать решимость орков», лейтенант? Мне известен только один способ слопать решимость орка -- это убить его. А

что касается «демонстрации силы», то поверьте мне: они сильнее нас. Вы точно не

захотите схватиться в рукопашную с орком. Пусть они стреляют в вас хоть целый день --

скорее всего, они будут мазать. Но если
дело дойдет до рукопашной -- вы умрете,
глядя

на собственные потроха. Вот о чем речь,
лейтенант. Поместите наших людей в
«огню

большую траншею» без множественных
секторов обстрела и без путей к
отступлению, и

тем самым дадите оркам возможность
подойти близко, благодаря их численному
превосходству. А сделав это, вы
фактически вручаете оркам ключи от
города.

- Вы говорите так, словно боитесь орков,
сержант, - сказал Лораннус, полпрачнев.

- Да, лейтенант, я всегда боюсь
противника, которого в 500 раз больше,
чем нас.

Секунду, явно пытаясь сдержать свой гнев,
Лораннус молчал. Но Челкар знал, что это
лишь затишье перед бурей. Лораннус в
любой момент может устроить эту
разнос или

просто велит заткнуться и выполнять приказы. Хуже того, он может вызвать Гришену

обратно и приказать арестовать Челкара за неподчинение. Как бы то ни было, лейтенант

добьется своего. Их система обороны будет переделана в одну большую линию, и, в

лучшем случае, к концу дня все в этом секторе будут мертвы. И все потому, что командование посадило им на шею сумасшедшего. Но, как бы ни были безумны его

планы, Лораннус офицер, а Челкар всего лишь сержант. Лейтенант может послать всю

роту голыми скакать перед позициями орков, и никто его не остановит. Если только...

- Сержант! Лейтенант! Скорее сюда! На позициях орков что-то происходит!

Это был Гришен, его голос в комм-линке звучал на грани паники. Ничего хорошего

это не

обещало, но сейчас Челкар был готов воспользоваться любой возможностью.

- Похоже, мы нужны в другом месте, сержант, - сказал Лораннус, надевая свой кивер и

застегивая подборогочный ремень. -- Пока придется отложить этот разговор. Но знайте:

он еще не закончен.

- Как скажете, сэр, - ответил Челкар, взяв гробовик и зарядив его. -- Значит, не закончен.

Лораннус, отвернувшись, направился к выходу из блиндажа, в двух шагах позади него

следовал Челкар. Когда они вышли наружу, Челкар увидел нечто, лишь подтвердившее его сомнения насчет вменяемости лейтенанта. Невероятно, но вместо того, чтобы быстро

пробежать или пригнуться, Лораннус таршировал по открытому пространству к траншеям

строевым шагом, как на плацу.

« Мало того, что он нацепил эту
пристанку для снайперов», подумал Челкара.

« У
кретина не хватает ума даже пригнуть
голову».

Челкара не слишком волновало, если
какому-нибудь гретчину-снайперу
посчастливится

разнести тупую башку лейтенанта. Но
была опасность, что чертов зеленокожий
промахнется и попадет в кого-то другого...

...

- Вбл слышали? -- голос Гришена звучал
сухим шепотом. -- Этот шум с позиций
орков.

Машины.

Звук был слышен четко, доносясь через
ничейную землю с той стороны орочьих
заграждений. Усиливавшаяся какофония
рычания моторов на полном газу,
скрежета

механизмов и грохота выхлопных труб.
Шум машин. А это могло означать лишь

огно.

Бронетехника.

- Я не понимаю, - сказал Лораннус, глядя в сторону шута в полном смятении. -- По данным разведки точно известно, что горки давно израсходовали последние резервы горючего.

- Возможно, они нашли старый склад прометия, - сказал Челкар. -- Сейчас это уже не важно. Данные разведки оказались неверны, лейтенант. И, судя по звуку, у нас не так

много времени, чтобы успеть подготовиться.

- Да, - сказал Лораннус. -- Конечно, вы правы, сержант. Нужно срочно подготовиться.

Посмотрев в глаза лейтенанта, Челкар понял, что Лораннус не имеет ни малейшего

представления о том, что надо делать. Столкнувшись с непредвиденной ситуацией

лейтенант растерялся.

- Артиллерия, лейтенант, - подсказал Челкар.

- Конечно, - сказал Лораннус, его властная манера внезапно вернулась, словно ее включили переключателем.

Артиллерийский огонь. Гришен, свяжись с батареей и

скажи, чтобы срочно обстреляли район прямо перед позициями орков.

Когда Гришен побежал к блиндажу связи, лейтенант снова повернулся к Челкару.

- Не сомневаюсь, что, как и я, вы предпочитаете командовать прямо с передовой.

Предлагаю вам принять командование на восточном участке позиции, а я пойду на западный. Было бы прискорбно, если бы кто-то из нас случайно попал в «сектор обстрела» другого.

Челкар молча повернулся и побежал к передовой траншее на его участке обороны.

В

траншее Давир и Булавен уже готовились

к отражению атаки; здоровяк проверял
клапаны

тяжелого огнемета, а Давир, сняв лазган с
предохранителя, смотрел в прицел на
ничейную землю.

- Раз объявить, что наше предприятие
открылось, сержант, - сказал Давир,
оглянувшись

через плечо на Челкара, прыгнувшего в
траншею. -- У, похоже, как раз вовремя.
Судя по

звукат, нам предстоит нескучный день.

- Да, Давир. Но пока я хочу, чтобы вы
набросили камуфляжную сетку на огнемет
и не

высовывались.

- Со всем уважением, сержант, - сказал
Давир, а Булавен просто непонимающе
установился

на Челкара, - но по моему опыту, орки, улы,
нечасто дохнут сами по себе. Сначала
приходится в них пострелять.

- Возможно, если ты так хорошо знаешь
орков, ты, наверное, заметил, что они

столь же

нечасто проводят разведку перед атакой, -
ответил Челкар. - Если мы не начнем

стрелять, они подумают, что переговоры
траншея пуста, и продолжат атаку. А
когда они

подойдут поближе, мы устроим им
сюрприз.

- Какой-то хилый сюрприз получается,
сержант, - сказал Давир, хищно оскалив
кривые

грязные зубы. - Всего трое с дробовиком,
лазганом и огнеметом. Но, если орки
подойдут

близко, Булавен может попытаться
запердеть их до смерти.

В небе раздался вой летящих снарядов.
Гришен запросил огневую поддержку.
Взрывы и

осколки превращали пространство перед
позициями орков в болото. Но этого было

недостаточно, чтобы остановить
наступление орков. Артиллерийский огонь
тог лишь

уменьшить их число.

- Подтверждения со всех наблюдательных постов, - сообщил Тришен, - орки наступают!

Это было невозможно не заметить. Шум моторов с позиций орков достиг предельной

громкости, на секунду заглушив даже разрывы снарядов, десятки орочьих машин, давя

собственные баррикады, рванулись на ничейную землю. Целая механизированная армия

разнообразных машин и багги, рыча моторами, с грохотом катилась к имперским

позициям по мерзлой грязи. Через несколько секунд они вышли из района обстрела, до

трети машин осталось горящими обломками на ничейной земле. Третья часть их сил

была потеряна, но для орков это ничего не значило. Оставшиеся две трети

продолжали

двигаться вперед.

- Рота, по моей команде, - приказал
Лораннус совершенно спокойным голосом по
комм-

линку. -- Огонь!

Залп ракет, лазерных лучей и
минометных снарядов ударил по ничейной
земле.

Некоторые выстрелы попали в цель, и еще
больше машин взорвалось. Но многие лучи
лазганов не пробивали броню, ракеты
летели мимо, минометные снаряды
падали с

недолетом. Моторизованная орга
на двигалась.

С трачным удовлетворением Челкар
видел, что большинство машин
направляется в его
сторону.

- Ждите, - приказал он. -- Пусть подойдут
ближе.

Другие гвардейцы продолжали стрелять,
и потери орков росли. Но уцелевшие

продолжали наступать в безумном порыве
первыми начать резню. Сто метров.

Восемьдесят. Пятьдесят. Двадцать пять
метров. Двадцать...

- Пора, - сказал Челкар.

Едва он успел отдать приказ, Булавен
вскочил на ноги. Двигаясь со скоростью,
удивительной для своих размеров, он
отбросил камуфляжную сетку, его палец
уже был

на спусковой кнопке огнемета. Он
выстрелил, и приближавшаяся гусеничная
машина

внезапно исчезла в расширявшейся волне
пламени. Машина взорвалась, но Булавен
уже

атаковал следующую цель. А потом еще
одну, и еще... Одна за другой, машины орков
превращались в огненные ловушки для их
экипажей, воящие орки выскакивали из
них,

повсюду вокруг падали и горели их
товарищи. Булавен продолжал стрелять
из огнемета,

струя огня превращала одну машину за
другой в пылающий ад. А рядом с ним
Челкар и

Давир стреляли как безумные, стремясь
восполнить недостаток численности
интенсивностью огня. Вскоре Челкар
вышел перед траншеей лишь
поднимающуюся стену
пламени, слышал лишь дикие вопли
сгорающих орков, чувствовал лишь вонь
горелого
теса.

Он продолжал стрелять.

- Перезарядание! -- крикнул Булавен, когда
огнемет внезапно фыркнул и погас. Его
могучие руки уже прикрепляли шланг к
другому резервуару. С машинной
четкостью,

порожденной многолетним боевым
опытом, Челкар и Давир бросили
полдюжины

осколочных гранат в стену огня, чтобы
выиграть для Булавена необходимые ему
секунды.

Но они и были сейчас машинами: машинами, предназначенными для убийства орков.

Огнетет еще раз фыркнул, и снова изрыгнул огонь, отправляя вопивших орков к их богам.

И даже сквозь дым боя, Челкар видел, что его план работает. Сосредоточив свой удар

здесь, орки создали пробку. Их атака на других участках уже ослабевала, и гвардейцы из

других траншей могли поддержать огнетет Челкара и Давира. Это была самая старая тактика в Брушероке: покажи оркам открытую дверь, а потом захлопни ее у них перед

носом. И каждый раз эта тактика работала.

Но только Челкар начал думать, что у них есть шансы пережить этот бой, он услышал по

комм-линку сообщение, заставившее признать, что орки все же не столь глупы.

- Лейтенант! -- раздался голос Тришени
сквозь треск помех. -- Наблюдательные
посты

доклаживают: крупные силы орков
продвигаются к нашим позициям в пешем
порядке.

Император милосердный, их техника
была только первой волной!

Секунду в эфире стояла тишина, потом
Челкар услышал, как Лораннус отдал
приказ, в

котором сквозило чистейшее,
неприкрытое безумие:

- Солдаты, прижнуть штыки и вперед на
ничейную землю! Вы слышите меня?
Вперед, за

Императора!

В траншее никто не двинулся. Челкар,
Давир и Булавен стояли, изумленно глядя
друг на

друга. Оглянувшись на другие траншеи,
Челкар увидел, что они не одиноки. Из всей
роты

только один человек покинул траншею.

Единственный человек, бросившийся в
одиночку

навстречу армии орков, скрывавшейся где-то в дыму. Единственный человек, последовавший приказу, был тот, кто отдал его.

Лейтенант Лораннус.

В одиночку, пока солдаты, которыми он командовал, смотрели на него в полнейшем

непонимании, Лораннус выскочил из траншеи и бросился на ничейную землю, под пули.

Подбежав к горящей гусеничной машине, он вскочил на ее корпус, отшвырнув труп

гретчина, схватился за свои собственные стабберы, которыми была вооружена машина, и,

развернув их, открыл огонь по оркам приближающихся орков. Один человек, словно

одержимый каким-то неведомым демоном в самоубийственном безумии.

Это была самая отчаянная смелость,

которую когда-либо видел Челкар.

- Чего вы ждете? -- услышал Челкар собственный крик в наушнике. -- Вы бросите его

сражаться с орками в одиночку? Это же ваш ротный командир! В атаку!

Прежде чем он сам понял, что делает, Челкар вскочил, за ним последовали Давир и

Бүлавен. Вместе они, стреляя, бросились на ничейную землю, а за ними поднялись в атаку все солдаты роты. Сто человек, одержимых тем же безумием, что и их командир,

бросились навстречу неминучей смерти.

А потом, второй раз за день, Челкар увидел нечто невероятное.

Орки не выдержали и побежали.

Едва веря тому, что они еще живы, Челкар и другие солдаты остановились, ошеломленно

глядя на спины убегающих орков. Раздался один голос, потом к нему присоединились еще и еще, и вскоре все солдаты, в том

числе и Челкар, кричали имя лейтенанта Лораннуса. Со своего возвышения, стоя на корпусе орочьей машины, Лораннус улыбнулся и поднял над головой лазерный пистолет в триумфальном салюте.

Потом в него попала пуля.

Прятавшийся где-то на ничейной земле гретчин-снайпер нашел свою цель. Пуля сбросила Лораннуса с машины, с правой стороны груди брызнула струя крови.

Челкар

мгновенно подскочил к нему, отчаянно пытаясь остановить кровотечение и вызывая

медика.

- Скажите им... - прохрипел Лораннус, кровь пузырилась на его губах с каждым мучительным вздохом, - Скажите им... это ошибка... моя семья... мы были верны... скажите...

- Вы сами скажете им это, лейтенант, - ответил Челкар, не осознавая, что он кричит. -- И

покажете ил медаль, которую получите
за этот бой. И не помертно, лейтенант!
Слышите

меня? Это всего лишь царапина -- через
пару недель вы будете козырять, когда вальт
на

грудь повесят медаль! Слышите,
лейтенант?

Но в ответ лейтенант лишь загадочно
улыбнулся окровавленным губами.

Лораннус был уже мертв.

...

ОН ожидал вопросов или новых побоев, но,
когда Челкар закончил свой рассказ, снова

наступило молчание. Внимание
комиссара опять вернулось к
инфопланшету. Шли

минуты, единственным звуком в комнате
было жужжание вокс-рекордера и скрип
стилуса,

когда комиссар писал что-то на экране
инфопланишета. Или, возможно, шли часы
Челкар

не мог сказать точно. Он мог лишь

судеть и думать. Конечно, в этом деле должно быть

что-то еще, нечто большее? Если комиссар хотел лишь узнать о героизме Лораннуса,

зачем было все это? Арест? Избиение? Зачем вообще было приводить его сюда?

Валк выключил записывающее устройство, внезапный щелчок выключателя прозвучал в тишине как выстрел.

- Можешь идти, сержант, - сказал комиссар.

Видя, что Челкар непонимающе смотрит на него, комиссар добавил:

- Прочитав твой доклад о последнем бое, я, разумеется, был обеспокоен тем, что ты представил к награде предателя. Но услышав твой рассказ из первых рук, я понял, что ты

сделал это без злого умысла. Это была всего лишь прискорбная ошибка. Я убедился, что

твоей вины в этом деле нет. Как я сказал,

можешь идти.

Челкар потрясенно встал и повернулся, чтобы уйти, в любой момент ожидая, что охранники снова схватят его. Когда он дошел до двери, то не выдержал и снова оглянулся на комиссара, сидевшего за столом.

- Что-то еще, сержант?

- Простите, комиссар, но когда вы сказали «предатель», вы имели в виду лейтенанта Лораннуса?

- Да. Несколько месяцев назад один из членов семьи лейтенанта -- кузен, кажется -- был

обвинен в измене Империи. Разумеется, как обычно в таких случаях, были казнены и

его родственники. Все, за исключением вашего лейтенанта. Очевидно, некая

административная ошибка привела к тому, что приказ о его казни задержался, и это

позволило изменнику укрыться среди солдат, направленных на эту планету.

Несомненно,

он надеялся сеять ересь и слуху здесь, но, похоже, орки помогли нам в этом деле. По крайней мере, они сэкономили нам пулю...

...

Ему вернули его обмундирование и оружие. Но все равно, когда Челкар шел обратно к

переговой, он отнюдь не испытывал ликования. Даже обмануть смерть — не великая

победа здесь. Это Брушерок. В лучшем случае, он выжил, чтобы умереть в другой раз.

И все же, ему повезло больше, чем лейтенанту Лораннусу. Казалось удивительным, как

быстро ненависть, которую он испытывал к лейтенанту переросла в уважение. А теперь

ему сказали, что Лораннус предатель? Челкар слишком устал, чтобы думать об этом.

Возможно, он обдумает это завтра.

Почувствовав знакомую вонь на ветру, Челкар понял, что он снова подошел к кострам,

где сжигались трупы орков. На секунду он задумался о том, чтобы обойти это место погальше, но все его тело ныло от боли, а обход добавил бы лишних два километра к его

пути. Кроме того, сейчас костры уже почти прогорели, и от большинства их остались лишь

тлеющие кучи пепла. Конечно, уже складывались новые курганы из мертвых тел: в

Брушеровке трупов всегда хватало. Но сейчас дыма и вони было меньше.

Когда Челкар проходил мимо только что сложенного кургана из еще не сгоревших трупов,

он заметил кое-что. Проблеск золотого синил, мелькнувший среди горы зеленой плоти.

Спустя долю секунды оно исчезло — гвардеец в противогазе поднес факел, и

весь курган

скрылся в алой пелене огня. Но Челнар уже знал что это было: золотой эполет на смешной бирюзовой форме лейтенанта Лораннуса. Она должна сгореть вместе с владельцем, несомненно, по приказу комиссара Валка. Не имело значения, что лейтенант пожертвовал жизнью, защищая город. Брушерок был святой землей. Святая

земля не может стать местом упокоения человека, осужденного за измену. Не будет ему

похорон, достойных героя.

Только красная награда.

...